

УДК 801.6.031.

«ЧЕЛОВЕК ЫХМИФА» ВЛАДИМИРА САНГИ И УСТНАЯ ЭПИЧЕСКАЯ ТРАДИЦИЯ

Хазанкович Ю.Г.

Якутский государственный университет имени М.К. Аммосова

Подробная информация об авторах размещена на сайте

«Учёные России» - <http://www.famous-scientists.ru>

Вопрос об эпическом наследии одного из малочисленных народов Севера – нивхов, остается открытым. А.Веселовский считал, что в силу ряда причин эпос у нивхов окончательно не сформировался и имеются только разрозненные песни. Но есть у нивхов эпические сказания, генетическая основа которых восходит к архаическим формам сказки. На основе эпического сказания о Человеке Ых-мифа Санги создал эпическую поэму. В поэме единый мифологический метасюжет, используется автором раннеэпическая поэтика для раскрытия чувственного мира, психологии первопредка и “выведения их” из подсознания в духовный опыт современности. Эпическая структура и содержание раннеэпического повествования о Человеке Ых-мифа эксплицировались в структуру авторской поэмы В.Санги. Но обращение к мифологическим образам, использование раннеэпических мотивов происходит на качественном ином уровне с учетом художественного опыта самой литературы и индивидуального авторского видения мира.

Вопрос об эпическом фольклорном наследии у нивхов до сих пор остается открытым. Мнения известных этнографов, фольклористов (А. Веселовский, Л. Штенберг, Е.А. Крейнович, Г.А. Отаина, В. Санги) оказались полярными. Так, известный фольклорист А.Веселовский, опираясь на собранный Я. Штенбергом, фольклорный материал, придерживаясь мнения, что у нивхов «в силу ряда причин эпос окончательно не сформировался, есть только разрозненные песни» [2, с. 25]. В. Санги известный нивх, писатель и фольклорист, представив тексты эпических сказаний и эпических песен, утверждал обратное. Возможно, окончательное разрешение этого сложного вопроса, в будущем, когда будут обнаружены, зафиксированы и скрупулезно изучены недостающие звенья эпического наследия нивхов. А пока аксиомой для исследователей остается тезис, что в фольклоре нивхов нет жанров близких героическому эпосу» [1, с. 25]. Но есть эпические сказания, генетическая основа которых, близка у палеоазиатов архаической форме сказки.

Именно они составляют своеобразный и оригинальный целостный контекст

некоторых произведениях В. Санги. Значительно позднее у В. Санги по мотивам известного раннеэпического повествования о первопредке была написана эпическая поэма «Человек Ыхмифа». Последнюю отличает определенная система персонажей и единый мифологический метасюжет. Следует отметить, что эпическая поэма В. Санги еще является малоисследованной. Только в работе известного северооведа А.В. Пошатаевой мы находим обращение к ней. В частности исследователь подчеркивали, что автор использует «раннеэпическую поэтику» для «раскрытия чувственного мира, психологии первопредков, перевода ее из подсознания в духовный опыт современников» [4, с.137]. Нам представляется, что есть необходимость изучения самой формы эпической поэмы и ее структурных составляющих. В связи с чем возрастает значение обращения к самому первоисточнику к структуре сказания, положенного в основу эпической поэмы «Человек Ыхмифа».

Эпическую песню о Человеке Ых-мифа В. Санги записал в 1974 году в своей первой научной экспедиции от старой сказительницы Хыткук [3, с.5-6]. Текст песни

на русском языке представляет собой литературную версию: присутствует авторская реконструкция сюжета и общая «литературизация», выражающаяся в многочисленных описаниях, изобилующих избыточными подробностями, эпитетами. Внутренняя ритмичность текста достигается многократными и многоплановыми повторами. Язык, на котором создал свою поэму Владимир Санги, соответствовал в оригинале архаической мифологии, им используемой. Сюжет поэмы Санги выстраивает по принципу однолинейного фольклорного сказания с циклической композицией. Древнейшие космогонические мифы нивхским автором дополняются раннеэпическими сюжетами – сиротства, сватовства, борьбой с противником, кровной мстостью. Нравственно-психологическое состояние героев поэмы описано через мотивированное использование нивхской мифологии. Поэма «Человек Ыхмифа» структурно четко организована и включает следующие ключевые блоки:

I. Предыстория героя (его рождение, чудесный рост, родословная).

II. История героя (история рода Трех братьев)

а) «Чудесное» рождение культурного героя.

Б) Обретение семьи.

В) Испытание героя.

1) испытание в ритуальных испытаниях на медвежьем празднике.

2) Борьба с милки.

III. Концовка. Женитьба. Возвращение на землю.

Можно предположить, что сказание о человеке Ыхмифа имеет черты архаического варианта сказки – мифологической сказки. Во-первых, автор делает акцент на моменте борьбы и победы героя над противником – злым духом. Человек Ыхмифа главный герой сказания. Его можно рассматривать именно как архаический тип эпического героя («чудесное» появление на свет, борьба с врагами, обретение семьи, женитьба). Герой наделен сверхъестественными «чудесными» способностями («чудесный герой»). Подчеркивается и недюжинная сила Ыхнивнга в состязаниях на

медвежьем празднике. Вот как описывается толкание валуна.

«Тяжел валун, не каждый муж поднимет его на плечо, чтобы толкнуть. Дальше всех, на семь шагов, толкнул Средний брат. Ыхнивнг подошел к валуну, обхватил его двумя руками, поднял до пояса, перенес на плечо, чуть присел, отведя плечо назад, выпрямился и толкнул. Валун пролетел над головами стариков, ударился в лиственницу. Дерево будто срубили». Такое описание соответствует универсальной логике построения эпического образа.

Эпические традиции нивхов в сказании теснейшим образом переплетаются с их мифологическими и религиозными представлениями. Во-первых, отнесение действия сказания к мифическим временам является характерным признаком эпического. К представлению о мифическом времени и первопредках восходит эпический зачин сказания: «Я расскажу давний нгастур. Об Ыхнивнге человеку необыкновенном, праотце людей Ыхмиф. Говорят, что они по сей день покровительствуют живущим. А сам он жил много-много лет назад, когда на нашей земле и на других землях было много всяких... злых духов. Где-то на берегу большого и сердитого моря в окружении густой тайги вдали от человеческих поселений. Во-вторых, в сказании об Ыхмифе имеют место мифологические мотивы – прослежено происхождение первопредка (или предков первого человека, спуск с неба через отверстие, в том числе этиологические мотив происхождения народа гиляков и множество черт, сближающий текст со сказочным повествовательным фольклором. В-третьих, герой причастен к миру духов по происхождению (от матери и отца – духов). Так описывается история семьи Человека Ыхнивнга, поведенная ему «чудесной помощницей» девицей-мухой: «...У тебя есть отец и мать. Когда ты родился, мать дала тебе из левой груди один глоток, в левую щеку – два глотка. Положили тебя в тьяк, подвесили к поперечной жердине. Отец ушел в самый дальний Девятый земной мир богом, а мать в самый дальний, Восьмой мирской мир богиней. А тебя оставили в Первом земном мире. Живи как

можешь – сказала муха и взлетела...». Архаический характер сказания, его мифологичность, проявляется и в том, что жены Человека Ыхмифа имеют «божественные» корни. Так девица – муха затем превращается в Луноликую и ее сватает Человек Ыхнивнга, а позднее его невестой, а затем женой становится добрый дух моря, дочь хозяина моря Тайхнада. Могущество Человека Ыхмифа как архаического эпического героя исходит от мира добрых духов милки, которые поедают людей и угрожают самому существованию рода человеческого. Надо отметить, что противник богатыря (шаман людоедов) описан «сказочно литературно». Хотя он и придает шаману черты близкие и понятные нивхам, но есть в нем и черты из русской волшебной сказки. Так, шаман в черных одеждах откармливает брата в железной клетке, и когда он теряет способность самостоятельно передвигаться, то приказывает его поджарить на костре и съесть.

Нередко в сказании встречаются числовые универсалии. Так, наиболее употребимыми являются числа «семь» и «восемь». Однозначно, что «количественные эпитеты» есть составляющие национального образа мира. Именно числовая модель становится универсальным образцом вертикальной модели мира.

«... Проснулся Ыхнивнг, позвал Железного ястреба. Только сомкнулись губы Ыхнивнга, просвистело в воздухе что-то. Глянул Ыхнивнг в небо, видит: гонит Ватнгайхылк большого лебедя к Ыхнивнгу. Сел Ыхнивнг на лебедя, полетел в отверстие. А ястреб за ними. Пролетели одно небо, потом второе. Летят дальше. На четвертом небе их остановил большой железный волк на девяти железных цепях. Привязан к девяти железным столбам. Кидается волк, цепи звенят, столбы гнутся, вот-вот сломаются. Кидается волк, не пускает Ыхнивнга дальше... Это не просто волк. Это живое жильё милков. Сами милки в брюхе волка прячутся... Железный ястреб выклевал им глаза. Милки тут же издохли. Издох и железный волк – он не живет без хозяев. Сел на лебедя Ыхнивнг, полетел дальше. Долго летел он. Прилетел на седьмое небо. И там в селении милков

увидел: сидят люди, привязанные цепями. Среди них три брата. С трудом узнал их Ыхнивнг: милки откармливают людей... чтобы потом убить и съесть их...».

В архаических эпосах традиционно число «восемь» соотносено с женским началом (мать героя сказания «ушла богиней в Восьмой мирской мир»), а «девять» – с мужским (отец Ыхнивнга стал богом Девятого земного мира). Эти числовые константы – универсальные числа символы. С одной стороны они отражают «космическую модель мира» у народов северной и центральной Азии именно «девять небес», «девять миров». С другой – число «восемь», например, есть выражение космического равновесия, циклического обновления и возрождения (что соотносится с женским началом), а число «девять» связывали обычно с мужской храбростью и выносливостью. Хотя, эпическая поэма В.Санги была создана по мотивам, сохранена в точности сказания о человеке Ыхмифа.

Нетрудно обнаружить в сказании о Человеке Ыхмифа фольклорно-мифологического, эпического стиля. Рудиментом устной эпической традиции являются отдельные стилистические трафареты: песнопения героев, описание коварств милки и путевых препятствий Ыхнивнга, речь бога Девятого неба и т.д. Вот, например, песня Старшего брата, изобилующая «формульностью», всякого рода повторами, инверсией и т.д.

«Издавна славен род Трех братьев,
Славен мужьями, мужьями храбрыми.

Род наш издавна бьется с милками.
Битву ведем мы издавна с кинрами.
Слушай о подвиге сына Трех братьев,

Младшего сына, Пулкином что звали.

Был босоног он и ходил он в лохмотьях,

Был неумыт, непричесан, голодный,
И на охоте добычей не радовал,
И на рыбалке он не был удачлив...»

Необходимо сказать, что в оригинале язык поэмы, по словам ее переводчика Н. Грудининой, очень близок к «нивхскому реликтовому языку». Особую роль при

этом сыграли звуки. Знатоку нивхского языка, длительное время занимавшегося сбором и обработкой нивхского фольклора, В. Санги удалось реконструировать и расшифровать архаическую мифологию, взяв за основу сюжета древнейшее сказание. Сказание о Человеке Ыхмифа, его эпическая структура и содержание впоследствии были эксплицированы во внутреннюю структуру эпической поэмы В. Санги «Человек Ыхмифа». Нивхское мифологизированное сказание превратилось в эпическую поэму, в основе которой история богатыря от рождения до победы над страшным, всесильным врагом – семиглавым шаманом-людоедом. Попутно с раскрытием основного сюжета В. Санги освещает и особенности веры, обрядов и ритуалов с целью раскрытия внутреннего национально-чувственного мира, познания нравственности и психологии своих сородичей. Тема трансформации исходного фольклорно-мифологического материала в литературном произведении очень интересна и актуальна. Роль фольклорно-мифологического материала «перемещается» в эпической поэме в область содержания и сферу формы.

В заключение следует сказать, что фольклорные образы и мотивы оттеняют смысловую наполненность художественных произведений. Обращение писателя к мифопоэтическим реалиям подразумевает его причастность к архетипам националь-

ного мышления. В. Санги создал сказание о родоначальнике нивхского рода – Человеке Ыхмифа. Не сохранившееся у нивхов в целостности крупное эпическое сказание не мешает автору создать из архаических мифов и раннеэпических преданий свою эпическую поэму с целью письменной фиксации древнейшей формы устнопоэтического слова своих сородичей. Но привлечение раннеэпических образов, фольклорных мотивов у В. Санги происходит на качественно новом уровне, с учетом художественного опыта самой северной литературы и индивидуального авторского видения мира.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Лебедева Ж.К. Эпические памятники народов Крайнего Севера / Фольклор народов Крайнего Севера. Якутск, Издательство Якутского научного центра, 1990. 130 с.
2. Мелетинский Е.М. Миф и историческая поэтика фольклора. // Избранные труды статьи. М., Издательство РГГУ, 2001. 571 с.
3. См. Предисловие / В. Санги. Песнь о нивхах. М., Современник, 1989. 347 с.
4. Пошатаева А.В. В. Санги и Юрий Рытхэу. Эстетика переходных эпох // История национальных литератур. М., Наука, 1998. 237 с.

«YKH-MYTH MAN» BY VLADIMIR SANGHI AND ORAL EPIC TRADITION

Khazankovich Yu.G.

Yakutsk M.K. Ammosov University

The problem of epic heritage of one of the indigenous peoples of the North – Nivkhi – remains open. Veselovsky A. believed that because of a variety causes the Nivkhi epos has not been eventually formed yet, and there are only scattered songs there. But the Nivkhi have epic sagas, the genetic foundation of which ascends to archaic tale forms. On the basis of the heroic saga about the Ykh-myth Man Sanghi created an epic poem. In the poem there is a united mythological metastoryline, early epic poetics is used by the author to discover the kama-loka (sensible world), psychology of the prior man and to “take” them from subconscious into spiritual experience of today. The epic structure and the content of the early heroic narration about the Ykhmyth-Man have been explicated into the structure of Sanghi’s authors poem. But the appealing to the mythological characters, using early epic motives occurs in another quality level taking into account the artistic experience of literature itself and the individual authorly world vision.

